

Стивен Кинг

ЗЕЛЁНАЯ МИЛЯ

Часть 1.

ДВЕ УБИТЫХ ДЕВОЧКИ.

1.

Это произошло в 1932-м, когда тюрьма штата еще находилась в Холодной Горе. И электрический стул был, конечно, там же.

Заключенные острили по поводу стула так, как обычно острят люди, говоря о том, что их страшит, но чего нельзя избежать. Они называли его Олд Спарки (Старик Разряд) или Биг Джуси («Сочный кусок»). Они отпускали шуточки насчет счетов за электроэнергию, насчет того, как Уорден Мурс этой осенью будет готовить обед ко Дню Благодарения, раз его жена Мелинда слишком больна, чтобы готовить.

У тех же, кому действительно предстояло сесть на этот стул, юмор улетучивался в момент. За время пребывания в Холодной Горе я руководил семидесятью восемью казнями (эту цифру я никогда не путаю, я буду помнить ее и на смертном одре) и думаю, что большинству этих людей становилось ясно, что с ними происходит, именно в тот момент, когда их лодыжки пристегивали к мощным дубовым ножкам Олд Спарки. Приходило понимание (было видно, как осознание поднимается из глубины глаз, похожее на холодный испуг), что их собственные ноги закончили свой путь. Кровь еще бежала по жилам, мускулы были еще сильны, но все было кончено, им уже не пройти ни километра по полям, не танцевать с девушками на сельских праздниках. Осознание приближающейся смерти приходит к клиентам Олд Спарки от лодыжек. Есть еще черный шелковый мешок, его надевают им на головы после бессвязных и нечленораздельных последних слов. Считается, что этот мешок для них, но я всегда думал, что на самом деле он для нас, чтобы мы не видели ужасного прилива страха в их глазах, когда они понимают, что сейчас умрут с согнутыми коленями.

В Холодной Горе не было этапа смертников, только блок "Г", стоящий отдельно от других, размером примерно в четыре раза меньше, чем остальные, кирпичный, а не деревянный, с плоской металлической крышей, которая сияла под летним солнцем, как безумный глаз. Внутри –

шесть камер, по три с каждой стороны широкого центрального коридора, и каждая камера почти вдвое больше камер в четырех других блоках. Причем все одиночные. Отличные условия для тюрьмы (особенно в тридцатые годы), но обитатели этих камер многое бы отдали, чтобы попасть в любую другую. Честное слово, они бы дорого заплатили.

За все время моей службы в качестве надзирателя все шесть камер не заполнялись ни разу – и слава Богу. Максимум – четыре, там были белые и черные (в Холодной Горе среди ходячих мертвецов не существовало сегрегации по расовому признаку), и все равно это напоминало ад.

Однажды в камере появилась женщина – Беверли Макколл. Она была черная, как дама пик, и прекрасна, как грех, который у вас никогда не хватит пороха совершить. Она шесть лет мирилась с тем, что муж бил ее, но не могла стерпеть и дня его любовных походов. Узнав, что муж ей изменяет, она на следующий вечер подкараулила беднягу Лестера Макколла, которого приятели (а может быть, и эта очень недолгая любовница) называли Резчик, наверху, на лестнице, ведущей в квартиру из его парикмахерской. Она дождалась, пока он расстегнет свой халат, а потом наклонится, чтобы неверными руками развязать шнурки. И воспользовалась одной из бритв Резчика. За два дня перед тем, как сесть на Олд Спарки, она позвала меня и сказала, что видела во сне своего африканского духовного отца. Он велел ей отказаться от ее рабской фамилии и умереть под свободной фамилией Матуоми. Ее просьба была такова зачитать ей смертный приговор под фамилией Беверли Матуоми. Почему-то ее духовный отец не дал ей имени, во всяком случае она его не назвала. Я ответил, что, конечно, тут нет проблем. Годы работы в тюрьме научили меня не отказывать приговоренным в просьбах, за исключением, конечно, того чего действительно нельзя. В случае с Беверли Матуоми это уже не имело значения. На следующий день, примерно около трех часов дня, позвонил губернатор и заменил ей смертный приговор пожизненным заключением в исправительном учреждении для женщин «Травянистая Долина»: сплошное заключение и никаких развлечений – была у нас такая присказка. Я был рад, уверяю вас, когда увидел, как круглая попка Бев качнулась влево, а не вправо, когда она подошла к столу дежурного.

Спустя лет тридцать пять, не меньше, я увидел это имя в газете на страничке некрологов под фотографией худощавой чернокожей дамы с облаком седых волос, в очках со стразами в уголках оправы. Это была

Беве́рли. Последние десять лет жизни она провела на свободе, говорилось в некрологе, и она, можно сказать, спасла библиотеку небольшого городка Рейнз Фолз. Она также преподавала в воскресной школе, и ее любили в этой тихой гавани. Некролог был озаглавлен: «Библиотекарь умерла от сердечной недостаточности», а ниже мелкими буквами, словно запоздалое объяснение: «Провела более 20 лет в тюрьме за убийство». И только глаза, широко распахнутые и сияющие за очками с камешками по углам, оставались прежние. Глаза женщины, которая даже в семьдесят с чем-то, если заставит нужда, не раздумывая достанет бритву из стаканчика с дезинфицирующим средством. Убийц всегда узнаешь, даже если они кончают жизнь пожилыми библиотекарями в маленьких сонных городишках. И уж, конечно, узнаешь, если провел с убийцами столько лет, сколько я. Всего один раз я задумался о характере своей работы. Именно поэтому я и пишу эти строки.

Пол в широком коридоре по центру блока "Г" был застелен линолеумом цвета зеленых лимонов, и то, что в других тюрьмах называли Последней Милей, в Холодной Горе именовали Зеленой Милей. Ее длина была, полагаю, шестьдесят длинных шагов с юга на север, если считать снизу вверх. Внизу находилась смиренная комната. Наверху – Т-образный коридор. Поворот налево означал жизнь – если можно так назвать происходящее на залитом солнцем дворике для прогулок. А многие так и называли, многие так и жили годами без видимых плохих последствий. Воры, поджигатели и насильники со своими разговорами, прогулками и мелкими делишками.

Поворот направо – совсем другое дело. Сначала вы попадаете в мой кабинет (где ковер тоже зеленый, я его все собирался заменить, но так и не собрался) и проходите перед моим столом, за которым слева американский флаг, а справа флаг штата. В дальней стене две двери: одна ведет в маленький туалет, которым пользуюсь я и другие охранники блока "Г" (иногда даже Уорден Мурс), другая – в небольшое помещение типа кладовки. Тут и заканчивается путь, называемый Зеленой Милей.

Дверь маленькая, я вынужден пригибаться, а Джону Коффи пришлось даже сесть и так пролезать. Вы попадаете на небольшую площадку, потом спускаетесь по трем бетонным ступенькам на дощатый пол. Маленькая комната без отопления с металлической крышей, точно такая же, как и соседняя в этом же блоке. Зимой в ней холодно, и пар идет изо рта, а летом

можно задохнуться от жары. Во время казни Элмера Мэнфреда – то ли в июле, то ли в августе тридцатого года – температура, по-моему, была около сорока по Цельсию.

Слева в кладовке опять-таки была жизнь. Инструменты (все закрытые решетками, перекрещенными цепями, словно это карабины, а не лопаты и кирки), тряпки, мешки с семенами для весенних посадок в тюремном садике, коробки с туалетной бумагой, поддоны загруженные бланками для тюремной типографии... даже мешок извести для разметки бейсбольного ромба и сетки на футбольном поле. Заключение играли на так называемом пастбище, и поэтому в Холодной Горе многие очень ждали осенних вечеров.

Справа опять-таки смерть. Олд Спарки, собственной персоной, стоит на деревянной платформе в юго-восточном углу, мощные дубовые ножки, широкие дубовые под-локотники, вобравшие в себя холодный пот множества мужчин в последние минуты их жизни, и металлический шлем, обычно небрежно висящий на спинке стула, по-хожий на кепку малыша-робота из комиксов про Бака Роджерса. Из него выходит провод и уходит через отверстие с уплотнением в шлакоблочной стене за спинкой. Сбоку – оцинкованное ведро. Если заглянуть в него, то увидишь круг из губки точно по размеру металлического шлема. Перед казнью его смачивают в рассоле, чтобы лучше проводил заряд постоянного тока, идущий по проводу, через губку прямо в мозг приговоренного.

2.

1932 год был годом Джона Коффи. Подробности публиковались в газетах, и кому интересно, у кого больше энергии, чем у глубокого старика, доживающего свои дни в доме для престарелых в Джорджии, может и сейчас поискать их. Тогда стояла жаркая осень, я точно помню, очень жаркая. Октябрь – почти как август, тогда еще Мелинда, жена начальника тюрьмы, попала с приступом в больницу в Индианоле. В ту осень у меня была самая жуткая в жизни инфекция мочевых путей, не настолько жуткая, чтобы лечь в больницу, но достаточно ужасная для меня, ибо, справляя малую нужду, я всякий раз жалел, что не умер. Это была осень Делакруа, маленького, наполовину облысев-шего француза с мышкой, он появился летом и проделывал классный трюк с катушкой. Но более всего это была осень, когда в блоке "Г" появился Джон Коффи, приговоренный к смерти за изнасилование и убийство девочек-близнецов Деттерик.

В каждой смене охрану блока несли четыре или пять человек, но большинство были временными. Дина Стэнтон, Харри Тервиллиджера и Брутуса Ховелла (его называли «И ты, Брут», но только в шутку, он и мухи не мог обидеть несмотря на свои габариты) уже нет, как нет и Перси Уэтмора, кто действительно был жестокий, да еще и дурак. Перси не годился для службы в блоке "Г", но его жена была родственницей губернатора, и поэтому он оставался в блоке.

Именно Перси Уэтмор ввел Коффи в блок с традиционным криком: «Мертвец идет! Сюда идет мертвец!»

Несмотря на октябрь пекло, как в аду. Дверь в прогулочный дворик открылась, впуслав море яркого света и самого крупного человека из всех, каких я видел, за исключением разве что баскетболистов по телевизору здесь, в «комнате отдыха» этого приюта для пускающих слюни маразматиков, среди которых я до-живаю свой век. У него на руках и поперек широченной груди были цепи, на лодыжках – оковы, между

которыми тоже болталась цепь, звеневшая, словно монетки, когда он проходил по зеленому коридору между камерами. С одного боку стоял Перси Уэтмор, с другого – Харри Тервиллиджер, и оба выглядели детьми, прогуливающими пойманного медведя. Даже Брутус Ховелл казался мальчиком рядом с Коффи, а Брут был двухметрового роста, да и не худенький: бывший футбольный полузащитник, он играл за лигу #ЛСЮ, пока его не списали и он не вернулся в родные места.

Джон Коффи был чернокожий, как и большинство тех, кто ненадолго задерживался в блоке "Г" перед тем, как на коленях умереть на Олд Спарки. Он совсем не был гибким, как баскетболисты, хотя и был широк в плечах и в груди, и весь словно перепоясанный мускулами. Ему нашли самую большую робу на складе, и все равно манжеты брюк доходили лишь до половины мощных, в шрамах икр. Рубашка была расстегнута до половины груди, а рукава кончались чуть ниже локтя. Кепка, которую он держал в громадной руке, оказалась такой же: надвинутая на лысую, цвета красного дерева голову, она напоминала кепку обезьянки шарманщика, только была синяя, а не красная. Казалось, что он может разорвать цепи так же легко, как срывают ленточки с рождественского подарка, но, посмотрев в его лицо, я понял, что он ничего такого не сделает. Лицо его не выглядело скучным – хотя именно так казалось Перси, вскоре Перси стал называть его «идиотом», – оно было растерянным. Он все время смотрел вокруг так, словно не мог понять, где находится, а может быть, даже кто он такой. Моей первой мыслью было, что он похож на черного Самсона... только после того, как Далила обрила его наголо своей предательской рукой и забрала всю силу.

«Мертвец идет!» – трубил Перси, таща этого человека-медведя за цепи на запястьях, словно он и вправду думал, будто сможет сдвинуть его, если вдруг Коффи решит, что не пойдет дальше. Харри ничего не сказал, но выглядел смущенным.

– Довольно. – Я был в камере, предназначенной для Коффи, сидел на его койке. Я, конечно, знал, что он придет, и явился сюда принять его и позаботиться о нем, но я не представлял истинных размеров этого человека, пока не увидел. Перси взглянул на меня, словно говоря, что все знают, какой я тупица (кроме, разумеется, этого большого увальня, который только и умеет насиловать и убивать маленьких девочек), но промолчал.

Все трое остановились у двери в камеру, сдвинутой в сторону от центра. Я кивнул Харри в ответ на вопрос: «Вы уверены, босс, что хотите остаться с ним наедине?» Я редко слышал, чтобы Харри волновался – он был рядом со мной во время мятежей шесть или семь лет назад и всегда оставался тверд, даже когда пошли слухи, что у мятежников есть оружие, – но теперь его голос выдавал волнение.

– Ну что, парень, будешь хорошо себя вести? С тобой не возникнет проблем? – спросил я, сидя на койке и стараясь не показать виду и не выдать голосом, как мне скверно: «мочевая» инфекция, о которой я уже упоминал, тогда еще не набрала полную силу, но день выдался отнюдь не безоблачным, уж поверьте.

Коффи медленно покачал головой – налево, потом направо. Он уставился на меня, не сводя глаз.

У Харри в руке была папка с бумагами Коффи.

– Отдай ему бумаги, – сказал я Харри. – Вложи прямо в руку.

Харри повиновался. Большой болван взял их, как лунатик.

– А теперь, парень, дай их мне, – приказал я, и Коффи подчинился, зазвенев и загремев цепями. Ему пришлось нагнуться при входе в камеру.

Я осмотрел его с головы до ног, чтобы удостовериться, что это факт, а не оптический обман. Действительно: два метра три сантиметра. Вес был указан сто двадцать семь килограммов, но я думаю, что это приблизительно, на самом деле не меньше ста пятидесяти. В графе «шрамы и особые приметы» значилось одно слово, напечатанное мелким убористым шрифтом машинки # "маг^сон" – старым другом регистрационных карточек: «множество».

Я поднял глаза. Коффи слегка сдвинулся в сторону, и я мог видеть Харри, стоящего с той стороны коридора перед камерой Делакруа – он был единственным узни-ком блока "Г", когда появился Коффи. Делакруа – Дэл, маленький лысоватый человек с озабоченным лицом бух-галтера, знающего, что его растрата скоро обнаружится.

На плече у него сидела ручная мышь. В дверном проеме камеры, только что

ставшей пристанищем Джона Коффи, расположился Перси Уэтмор. Он достал свою резиновую ду-бинку из самодельного чехла, в котором носил ее, и по-хлопывал ею по ладони с видом человека, у которого есть игрушка и он ею воспользуется. И вдруг я почувствовал, что мне хочется, чтобы он убрался отсюда. Может, это из-за жары не по сезону, может, из-за «мочевой» инфекции, распространяющейся у меня в паху так, что прикосновение фланелевого белья становилось нестерпимым, а может, из-за сознания того, что из штата прислали на казнь чернокожего полуидиота, а Перси явно хотел над ним сначала немного поработать. Вероятно, все вместе. Во всяком случае на ми-нуточку я забыл о его связях.

– Перси, – сказал я. – Сегодня переезжает лазарет.

– Билл Додж за это отвечает.

– Я знаю, – кивнул я. – Пойди помоги ему.

– Это не моя работа, – упорствовал Перси. – Вот эта туша – моя работа.

«Тушами» Перси в шутку называл крупных людей. Он не любил больших и крупных. Перси не был худощавым, как Харри Тервиллиджер, но он был маленького роста. Этаким петух-забияка, из тех, что всегда лезут в драку, особенно когда перевес на их стороне. И очень гордился своими волосами. Просто не отнимал рук от них.

– Тогда твое дело сделано, – сказал я. – Отправляйся в лазарет.

Он оттопырил нижнюю губу. Билл Додж и его ребята таскали коробки и стопки простыней, даже кровати; весь лазарет переезжал в новое помещение в западной части тюрьмы. Жаркая работа. Перси Уэтмор явно хотел увильнуть от нее.

– У них достаточно людей, – заявил он.

– Тогда иди отсюда, это приказ, выполняй, – произнес я, повышая голос. Я увидел, как Харри мне подмигивает, но не прореагировал. Если губернатор прикажет начальнику тюрьмы уволить меня за нарушение субординации, то кого Хэл Мурс поставит вместо меня? Перси? Это несерьезно. – Мне абсолютно все равно, чем ты, Перси, займешься, лишь бы хоть ненадолго убрался отсюда.

На секунду мне показалось, что он не уйдет, и тогда действительно будут неприятности, особенно с этим Коф-фи, который стоял здесь все время, как самые крупные в мире остановившиеся часы. Но потом Перси сунул свою дубинку назад в самодельный чехол – дурацкая пижон-ская штука – и медленно пошел по коридору. Я не помню, кто из охранников сидел на посту дежурного в тот день, наверное, кто-то из временных, но Перси не понравилось, как этот человек смотрит, и, проходя мимо, он прорычал: «Перестань скалиться, а не то я сотру этот оскал с твоей мерзкой рожи». Потом зазвенели ключи, на мгновение блеснул солнечный свет из двора, и Перси Уэтмор ушел, хотя бы на время. Мышка Делакруа бегала туда-сюда по плечам маленького французика, шевеля крошечными усиками.

– Спокойно, Мистер Джинглз, – сказал Делакруа, и мышка замерла на его плече, словно поняла. – Просто посиди тихо и спокойно. – Делакруа говорил с мягким акцентом французов из Луизианы, и слово «тихо» приобретало незнакомое экзотическое звучание.

– Ложись лучше, Дэл, – бросил я резко. – Отдохни. Тебя это тоже не касается.

Он повиновался. Делакруа изнасиловал девушку и убил ее, а потом бросил тело девушки за ее домом, облил нефтью и поджег, надеясь таким образом спрятать следы преступления. Огонь перекинулся на дом, охватил его, и погибло еще шесть человек, среди них двое детей.

За ним числилось только это преступление, и теперь он был просто кроткий человечек со встревоженным лицом, залысинами на лбу и длинными волосами, спускающимися на ворот рубашки. Очень скоро он ненадолго сядет на Олд Спарки и настанет его конец... но что-то, что толкнуло его на ужасный поступок, уже ушло, и теперь он лежал на койке, позволив своему маленькому другу бегать по его рукам, то и дело попискивая. И это было хуже всего: Олд Спарки никогда не сжигал того, что таилось внутри. Зло освобождалось, набрасывалось на кого-то другого, и мы снова вынуждены убивать лишь телесные оболочки, в которых уже и жизни-то нет.

Я снова обратился к гиганту:

– Если я разрешу Харри снять с тебя цепи, ты будешь себя хорошо вести?

Он кивнул. Так же, как и прежде, покачал головой: налево, направо. Его странные глаза смотрели на меня. Они были спокойны, но это спокойствие как-то не внушало доверия. Я поманил пальцем Харри, он вошел и отстегнул цепи. Он уже не боялся, даже когда присел у стволоподобных ног Коффи, чтобы отомкнуть оковы на лодыжках, и мне стало легче. Харри нервничал из-за Перси, а я доверял его интуиции. Я доверял интуиции всех моих сегодняшних ребят с блока "Г", кроме Перси.

У меня была заготовлена речь для новоприбывших, но я сомневался, стоит ли ее произносить для Коффи, ка-завшегося таким ненормальным, и не только по размерам.

Когда Харри опять отошел (Коффи в течение всей церемонии оставался недвижим, как статуя), я посмотрел на своего нового подопечного, постукивая по папке, и спросил:

– Парень, а ты умеешь говорить?

– Да, сэр, босс, я могу говорить, – отозвался тот. Его голос был глубоким, довольно гулким и напомнил мне звук мотора нового трактора. Он произносил слова без южного акцента, но в строе речи я потом уловил что-то южное. Словно он приехал с юга, хотя не был его уро-женцем. Он не походил на неграмотного, но и образо-ванным его нельзя было назвать. В манере говорить, как и во многом другом, Коффи оставался загадкой. Больше всего меня беспокоили его глаза – выражение спокойного отсутствия, словно он сам был где-то далеко-далеко.

– Твое имя Джон Коффи?

– Да, сэр, босс, как напиток, только пишется по-другому.

– Ты умеешь писать, да? Читать и писать?

– Только свое имя, босс, – сказал он тихо. Я вздохнул, потом произнес укороченный вариант заготовленной речи. Я уже понял, что с ним проблем не возникнет. Я был и прав, и ошибался одновременно.

– Меня зовут Пол Эджкум, – произнес я. – Я – главный надзиратель блока "Г". Если тебе что-то нужно, зови меня по имени. Если меня не окажется, попроси вот этого парня – его зовут Харри Тервиллиджер. Или мистера

Стэнтон, или мистера Ховелла. Ты понял?

Коффи кивнул.

– Только не думай, что можно получить все, что хочешь. Тут мы решаем, что необходимо, а что нет. Здесь не гостиница. Ясно?

Он опять кивнул.

– Здесь тихо, парень, не так как в других блоках. Здесь только ты и Делакруа. Ты не будешь работать, в основном будешь сидеть. Хватит времени все хорошенько обдумать. – Даже слишком много времени, но я не сказал этого. – Иногда мы включаем радио, если все в порядке. Любишь слушать радио?

Он кивнул, но как-то неуверенно, словно не зная, что это такое. Позже я узнал, что в некотором роде так оно и есть. Коффи узнавал вещи, с которыми сталкивался прежде, но потом их забывал. Он знал персонажей из «Воскресенья нашей девушки» («Our #Gal Sunday»), но не мог вспомнить, что с ними произошло в конце.

– Будешь хорошо себя вести – станешь вовремя есть, никогда не попадешь в одиночку в дальнем коридоре и не наденешь этой холщовой робы с застежкой на спине. У тебя будут двухчасовые прогулки во двореке с четырех до шести, кроме субботы, когда все остальные наши обитатели играют в футбол. Посещения по воскресеньям после обеда, если, конечно, есть кто-то, кто захочет тебя навестить. Есть?

Он покачал головой.

– Никого, босс.

– Ну, может быть, твой адвокат.

– Я думаю, что больше его не увижу, – сказал он. – Мне его предоставили на время. Я не думаю, что он найдет дорогу сюда.

Я пристально посмотрел на него, пытаюсь понять, шутит ли он, но Коффи говорил серьезно. Да я и не ожидал другого. Прощения не для таких, как Джон Коффи, во всяком случае в то время. Им давали день в суде, а потом

мир забывал о них, пока в газете не появлялись строчки, что такой-то имярек принял в полночь немного электричества. Но людей, у которых были жена, дети или друзья и которые ожидали воскресенья, легче контролировать, если вообще их надо было контролировать. В данном случае проблемы нет, и хорошо. Ведь он, черт возьми, такой громадный.

Я немного поерзал на койке, а потом решил, что, возможно, если встать, полегчает в нижней части живота, и я поднялся. Он почтительно отошел от меня и сложил руки на груди.

– Легко тебе здесь будет, парень, или тяжело – все зависит от тебя. Я тут для того, чтобы сказать: ты можешь облегчить жизнь и всем нам, потому что все равно, конец один. Мы станем обращаться с тобой так, как ты заслуживаешь. Вопросы есть?

– Вы оставляете свет после отбоя? – спросил он сразу, словно только ждал случая.

Я уставился на него. Я слышал много странных вопросов от вновь прибывших в блок "Г" – однажды меня спросили даже о размере груди у моей жены, – но таких вопросов не задавали.

Коффи улыбался чуть смущенно, словно понимая, что мы сочтем это глупостью, но не мог сдержаться.

– Мне иногда немного страшно в темноте, – объяснил он, – особенно в незнакомом месте.

Я взглянул на него – на всю его огромную фигуру – и почувствовал странную жалость. Да, они могли вызывать сочувствие, ведь мы их не видели с худшей стороны, когда ужасы выскакивали из них, словно демоны в кузнице.

– Да, здесь довольно светло всю ночь, – сказал я. – Половина лампочек в Миле горит с девяти вечера до пяти утра. – Потом до меня дошло, что Коффи не имеет ни малейшего понятия о том, что я говорю: он не отличит Зеленую Милу от тины в реке Миссисиппи, и поэтому показал: – Там, в коридоре.

Он кивнул с облегчением. Я не уверен, представлял ли он, что такое

коридор, но он мог видеть двухсотваттовые лампочки в сетчатых плафонах.

И тогда я сделал то, чего никогда не позволял себе с узниками. Я протянул ему руку. Даже сейчас не знаю, почему я это сделал. Может, потому что он спросил про лампочки. Харри Тервиллиджер просто остоленел, честное слово. Коффи взял мою руку с удивительной нежностью, и она исчезла в его ладони. И на этом все было кончено. Еще одна бабочка в моей морилке. Мы закончили.

Я вышел из камеры. Харри задвинул дверь и закрыл оба замка. Пару секунд Коффи стоял неподвижно, словно не зная, что делать дальше, потом сел на койку, уронил громадные руки между колен и опустил голову, как человек, который скорбит или молится. Он что-то сказал своим странным, с южным акцентом голосом. Я услышал это очень ясно, и хотя не много знал о том, что он совершил – да многого знать и не надо, чтобы кормить и ухаживать за ним, пока не придет срок заплатить за все, – меня до сих пор пробирает дрожь.

– Я ничего не мог поделать, босс, – произнес он. – Я пытался вернуть все назад, но было слишком поздно.

3.

– У тебя будут неприятности из-за Перси, – сказал Харри, когда мы возвращались по коридору в мой кабинет. Дин Стэнтон, как бы третий в моей команде, хотя у нас не было какой-то подчиненности внутри (Перси исправил бы это положение в момент), сидел за моим столом и заполнял бумаги – до этой работы у меня редко доходили руки. Он едва взглянул на нас, когда мы вошли, просто протер стеклышки очков большими пальцами и снова уткнулся в бумаги.

– У меня были неприятности с этим стукачом с самого первого дня, – ответил я, осторожно оттягивая, брюки от паха и подмигивая. – Ты слышал, что он орал, пока вел этого верзилу вниз?

– Нет, – сказал Харри, – я сидел здесь, а отсюда плохо слышно.

– Я был в туалете и ясно слышал, – отозвался Дин. Он вытащил лист бумаги, посмотрел на свет (я увидел кольцо от кофейной чашки на отпечатанном тексте), потом бросил его в корзину. – «Мертвец идет». Наверное, вычитал это в своих любимых журналах.

Наверное, так и было. Перси Уэтмор – заядлый любитель журналов «Аргоси», «#С гэг» и «Мужские приключения». Почти в каждом номере печатался тюремный рассказ, и Перси читал их с жадностью, будто ученый, ведущий исследования. Он словно не знал, как вести себя, и пытался найти ответ в этих журналах. Перси появился после казни Энтони Рея, убийцы с топором, и не участвовал в казни, хотя и наблюдал за действием из аппаратной комнаты.

– Он знает, к кому обратиться, – сказал Харри, – у него есть связи. Тебе придется отвечать за то, что отправил его с блока, и за то, что хотел заставить сделать какую-то реальную работу.

– Не думаю. – Я и вправду не думал... но надеялся. Били Додж не из тех, кто станет терпеть, когда человек ничего не делает, а только смотрит. – Мне сейчас интереснее этот большой парень. Будут у нас с ним неприятности или нет?

Харри покачал в ответ головой.

– Он был кроткий, как ягненок на суде в Трапингус Каунти, – подал голос Дин. Он снял свои очки без оправы и стал тереть о жилетку. – Конечно, они навесили на него цепей больше, чем Скрудж видел на призраке Марли, но он мог бы их стряхнуть к чертовой матери, если бы захотел. Это игра слов, сынок.

– Я понял, – отозвался я, хотя не понял ничего. Я просто не любил, когда Дин Стэнтон берет надо мной верх.

– Он ведь большой, так? – поинтересовался Дин.

– Да, – подтвердил я, – чудовищно большой.

– Придется, наверное, увеличить силу тока на Олд Спарки, чтобы поджарить ему зад.

– За Олд Спарки не беспокойся, – заметил я с безразличием. – Он и больших делает маленькими.

Дин потер пальцами крылья носа, где очки оставили пару ярких красноватых пятен, и кивнул.

– Да, – согласился он. – В этом есть доля правды, это так.

Я спросил:

– А кто-нибудь из вас знает, где он был раньше, до появления в этом, как его, Тефтоне? Так ведь называется то место?

– Да, – ответил Дин. – Тефтон, в графстве Трапингус. Где он был раньше и что делал, никому не известно. Просто бродил по округе, наверное. Если интересно, можно поискать что-то в газетах в тюремной библиотеке. Она скорее всего не переедет до следующей недели. – Дин усмехнулся. – Заодно

послушаешь, как твой дружок там наверху ноет и стонет.

– Во всяком случае можно попытаться, – сказал я и попозже к вечеру отправился туда.

Тюремная библиотека находилась в дальней части здания, которую собирались переоборудовать в автома-стерскую – существовал такой план. Я думал, что это лишь повод выманить у правительства деньги для чьего-нибудь кармана, но была эпоха Депрессии, и я держал свое мнение при себе, так же как и то, что думал о Перси, хотя иногда так трудно сдержаться. Язык зачастую приносит человеку гораздо больше неприятностей, чем его половой орган. Автомастерская так и не появилась, а следующей весной тюрьма переехала на шестьдесят миль в сторону Брайтона. Еще больше тайных сделок, я думаю. Еще больше денежек в карман. А по мне – так ничего хорошего.

Администрация перебралась в новое здание в восточной стороне двора, и лазарет тоже перевели (кому принадлежала идиотская идея устроить лазарет на втором этаже – так и осталось тайной), библиотеку лишь частично оборудовали, хотя и раньше там мало чего было, и она стояла пустой. Старое здание – душная, обитая досками коробка – находилось между блоками А и Б. К стенкам блоков примыкали туалеты, поэтому в здании все время витал едва уловимый запах мочи, ставший, пожалуй, единственной разумной причиной для переезда. Сама библиотека была не больше моего кабинета, только Г-образной формы. Я поискал венти-лятор, но не нашел. В комнате стояла жара градусов под сорок, и я почувствовал, когда сядил, горячее биение пульса в паху. Похожее на зубную боль. Я знаю, что сравнение абсурдно, особенно по местонахождению, но по ощущениям очень похоже. Гораздо хуже становится во время и после общения с писсуаром, что я и сделал перед тем, как прийти сюда.

Кроме меня, здесь был еще один человек – тощий старый заключенный из надежных, по фамилии Гиббонз, дремлющий в углу с романом о Диком Западе на ко-ленях, и в надвинутой на глаза шляпе. Жара не донимала его, как не мешали ему ворчание, стук и доносившиеся из лазарета наверху ругательства (где, наверное, было градусов на десять жарче и, я надеюсь, Перси Уэтмору очень нравилось). Я тоже не стал мешать ему, прошел в короткую часть буквы Г, где лежали газеты. Я боялся, что они исчезли вместе с вентиляторами, вопреки мнению Дина. Но они остались, и дело о

близнецах Деттерик нашлось очень легко: об этом писали на первых полосах с момента совершения преступления в июне до самого судебного процесса в конце августа-сентябре.

Вскоре я позабыл и про жару, и про стук наверху, и про булькающий храп Гиббонза. Думать о том, что две маленькие десятилетние девочки с белокурыми головками и ангельскими улыбками оказались в руках этого черного громилы Коффи, было неприятно, но не думать было невозможно. Учитывая его размеры, легко представить, как он пожирал их, словно великан из сказки. То, что он сделал, выглядело еще ужаснее, и ему повезло, что его не линчевали прямо там, на берегу реки. Если, конечно, назвать везением ожидание прогулки по Зеленой Миле до Олд Спарки.

4.

Ферма «Кинг коттон» («Королевский хлопок») возникла на юге лет за семьдесят до описываемых событий и уже никогда не станет королевской, но в те тридцатые годы у нее была пора благоденствия. В южной части нашего штата уже исчезли хлопковые плантации, но осталось сорок или пятьдесят процветающих хлопко-вых ферм. Владелец одной из них был Клаус Деттерик. По меркам пятидесятих годов, он считался бы скорее бедным, но в тридцатые о нем говорили как о преуспевающем, потому что в конце месяца он, как правило, расплачивался наличными по счетам из магазина и мог спокойно смотреть в глаза управляющему банком, случайно встретив его на улице. Его дом на ферме был чистеньким и удобным. Кроме хлопка – каттона, у него имелось еще два "к": куры и несколько коров. У них с женой было трое детей: Говард – лет двенадцати, и девочки-близнецы Кора и Кейт.

В тот год как-то теплой июньской ночью девочкам разрешили ночевать на крытой веранде, идущей по периметру дома. Они очень обрадовались. Мать поцеловала их и пожелала спокойной ночи, когда не было еще девяти и только начало смеркаться. Вот тогда она и видела их обеих в последний раз живыми, а не в гробах, где гример постарался скрыть самые страшные телесные повреждения.

Сельские жители в то время ложились спать рано – «едва лишь только стемнеет под столом», как говорила моя матушка, – и спали крепко. Видимо, в ту ночь, когда исчезли близнецы, и Клаус, и Марджори, и Хови Деттерик спали тоже очень крепко, Клаус, конечно, проснулся бы от лая Баузера – огромного старого пса, наполовину колли, – если бы тот залаял, но Баузер не лаял. Ни в ту ночь, ни в другую – никогда.

Клаус поднялся с рассветом, чтобы подоить коров. Веранда была обращена в противоположную сторону от сарая, и Клаусу даже не пришло в голову посмотреть, как там девочки. То, что Баузер не пришел к нему, тоже не

вызвало тревоги. Пес относился и к коровам, и к курам очень пренебрежительно и обычно отсиживался в будке за сараем, когда все работали, так что приходилось его звать... и звать настойчиво.

Марджори спустилась вниз минут через пятнадцать по-сле того, как ее муж надел сапоги в кладовке и отпра-вился в сарай. Она поставила вариться кофе, потом на-чала жарить бекон. Соблазнительные запахи заставили Хови спуститься из своей комнатки под самой крышей, но девочки не пришли. Она послала Хови за ними, пока разбивала яйца на сковородку. Сразу после завтрака Кла-ус обычно отправлял девочек за свежими яйцами. Но в то утро в доме Деттериков так и не позавтракали. Хови вернулся с веранды с перепуганным лицом, его слегка припухшие после сна глаза теперь были широко открыты.

– Они исчезли, – объявил он.

Марджори отправилась на веранду скорее раздражен-ная, чем встревоженная. Позже она сказала, что подумала, если вообще что-то подумала, что девчонки спозаранку отправились погулять и нарвать цветов с первыми лучами солнца. Или еще какие-нибудь девчоночьи глупости. Но едва взглянув, она поняла, почему Хови побелел.

Она стала громко-громко кричать и звать Клауса, и тот опрометью кинулся к ней, разлив на сапоги полведра молока. То, что он увидел на веранде, могло подкосить любого, даже самого крепкого из родителей. Одежда, в которые кутались девочки, когда ночи становились холоднее, были скомканы и сбиты в угол. Сорванная с верхней петли дверь-сетка криво болталась в проеме. И на стенках веранды, и на ступеньках под сорванной дверью – везде были брызги крови.

Марджори умоляла мужа не идти на поиски девочек в одиночку и не брать с собой сына, если муж считает, что должен идти, но она зря сотрясала воздух. Он взял винтовку, которую держал на верхней полке в кладовке – подальше от детских рук, и дал Хови винтовку двадцать второго калибра, которую приберегали ко дню его рождения в июле. И они ушли, не обращая ни малейшего внимания на рыдающую, кричащую женщину, которая хотела знать, что они будут делать, если встретят банду бродяг или толпу плохих негров, сбежавших с графской фермы в Ладуке. Но я думаю, мужчины правильно поступили. Кровь уже загустела, но еще оставалась

липкой и скорее ярко-красного, а не бурого цвета, как бывает после высыхания. Девочек похитили не очень давно. Клаус понял: еще есть шанс, что они живы, и хотел им воспользоваться.

Ни отец, ни сын не были следопытами или охотниками, они не относились к числу тех, кто выслеживает в сезон енота или оленя не ради забавы, а потому что так нужно. А двор вокруг дома был вытоптан, и следы пересекались под немыслимыми углами. Они обошли сарай и почти сразу поняли, почему Баузер, не мастер кусаться, но мастер полаять, не поднял тревогу. Он лежал, высунувшись из будки, сбитой из остатков досок (над полукруглым входом прибита дощечка с аккуратной надписью «Баузер» – я видел фотографию в одной из газет), и голова его была почти полностью вывернута назад. "Нужна недюжинная сила, чтобы проделать это с таким крупным животным, – сказал позже обвинитель Джона Коффи присяжным и бросил долгий многозначительный взгляд на неуклюжего человека, сидящего на скамье подсудимых, опустив глаза, в новом казенном комбинезоне, похожем на само проклятие. Рядом с собакой Клаус и Хови нашли кусочек жареной колбасы. По версии, и довольно правдоподобной, не сомневаюсь, Коффи сначала подманил пса колбасой, а потом, когда Баузер уже доедал последний кусочек, протянул руки и свернул ему шею одним мощным движением. За сараем находилось северное пастбище Деттерика, где в тот день коровы не паслись. Трава была покрыта росой и на ней отчетливо выделялась дорожка следов, уходящая по диагонали к северо-западу.

Даже в состоянии, близком к истерике, Клаус Деттерик засомневался, идти ли следом. Он не испытывал страха перед теми, кто похитил его дочерей, он боялся, что, преследуя похитителя по его следам, может пойти в обратном направлении и потерять время, когда дорога каждая секунда.

Хови разрешил его сомнения, сняв с куста, сразу за территорией двора, клочок желтой материи. Клаусу показали этот клочок, когда он сидел за столом свидетелей, и он, заплакав, сказал, что узнал в нем клочок пижамных шортиков своей дочери Кейт. Шагов через двадцать они сняли с ветки можжевельника кусочек бледно-зеленой ткани, такой же, как ночная рубашка Кору, в которой она целовала маму и папу перед сном.

Отец и сын Деттерики пустились почти бегом с винтовками наперевес, как солдаты в атаке под сильным огнем. Что меня удивляет из всего

случившегося в тот день, так это то, что мальчик, отчаянно бегущий за отцом (а он ведь мог совсем отстать и потеряться), не упал и не пустил пулю в спину Клауса Деттерика.

Ферма была подключена к телефонной станции, и это еще раз говорит о том, что Деттерики, хотя и скромно, но были вполне обеспечены в те ужасные времена. Марджори через коммутатор обзвонила всех соседей, имевших телефоны, и рассказала о несчастье, обрушившемся на них, как гром среди ясного неба, зная, что от каждого звонка пойдут слухи, как круги по воде от брошенных плоских камешков. Потом она сняла трубку в последний раз и произнесла слова, бывшие почти паролем во времена первых телефонных систем, по крайней мере в сельских областях Юга: «Алло, станция, вы меня слышите?»

Станция слышала, но в первые минуты не могла вымолвить ни слова: почтенная женщина на коммутаторе сгорала от любопытства. Наконец она смогла выдать:

– Да, мадам, миссис Деттерик, я уверена, Боже милостивый, я молю Бога сейчас о том, чтобы ваши маленькие дочки были живы и здоровы...

– Спасибо, – сказала Марджори. – Только, пожалуй-ста, пусть Бог подождет, пока вы меня соедините с офисом главного шерифа в Тефтоне, ладно?

Главный шериф графства Трапингус был немолодым, с красным носом пропойцы человеком, с огромным, как корыто, животом и такими волосами, что голова напоминала ершик для мойки бутылок. Я хорошо его знал, он много раз приходил в Холодную Гору, чтобы посмотреть, как «его мальчишки», (так он называл их) отправляются в мир иной. Свидетели исполнения смертного приговора обычно сидят на раскладных стульях, вы и сами, наверное, пару раз сидели на таких во время похорон, церковных причастий или в фермерских клубах (мы тоже брали их в клубе No 44 «Таинственный узел»), и каждый раз, когда шериф Хомер Крибус садился на стул, я ожидал услышать сухой треск, означающий падение. Я боялся этого дня и в то же время надеялся на него. Но этого так и не произошло. Вскоре – где-то через год после похищения девочек Деттерика – с ним случился сердечный приступ прямо в офисе, вероятно когда он развлекался с семнадцатилетней негритянкой по имени Дафна Шэртлефф. Об

этом много говорили. Хотя он гулял направо и налево, имея жену и шестерых сыновей, во время выборов Хомер Крибус был непобедим. Такие были времена. Предвыборные лозунги гласили: «Будь баптистом или убирайся», но людям нравятся лицемеры, это правда, они узнают в них самих себя, ведь так приятно, когда со спущенными штанами и в полной боевой готовности застанут кого-то, а не тебя.

Шериф был не только лицемер, но еще и некомпетентным, из тех, кто любит фотографироваться, со спасенной кошечкой какой-нибудь леди на руках, хотя герой совсем не он, а помощник Роб Макджи, например, который действительно, рискуя сломать себе шею, залез на дерево и снял оттуда любимую кошечку.

Макджи слушал невнятный рассказ Марджори Детте-рик минуты две, потом перебил ее несколькими вопро-сами, быстрыми и краткими, как точные короткие удары опытного боксера в лицо, столь короткие и сильные, что кровь выступает раньше, чем успеваешь почувствовать боль. Получив ответы, он сказал: «Я позвоню Бобу Марчанту. У него есть собаки. А вы, миссис Деттерик, сидите дома. И если ваши муж и мальчик вернутся, то пусть тоже сидят дома. Попытаются хотя бы».

А ее муж и сын тем временем прошли по следу похитителя уже три мили к северо-западу, но когда после открытого поля начался хвойный лес, они его потеряли. Они были фермеры, а не охотники, как я говорил, и к этому моменту уже знали, что преследуют зверя. По дороге они нашли желтую пижамную кофточку Кейти и еще кусок от ночной рубашки Кору. Обе вещи были пропитаны кровью, и теперь уже и Клаус, и Хови не торопились так, как вначале. Какая-то холодная определенность остудила их тлеющие надежды, словно холодная вода, которая опускается ко дну, потому что тяжелее.

Они зашли в лес, поискали следы и не нашли, зашли в другом месте – также безрезультатно, потом в третьем. На этот раз они обнаружили следы крови на иглах густой пушистой сосны. Они повернули туда, где, казалось, шла небольшая тропка. Потом опять начали поиски следов. Дело приближалось к девяти часам утра, и позади стали слышны голоса мужчин и лай собак. За то время, что Роб Макджи собрал небольшой отряд, шериф Крибус выпил бы только чашечку сладкого кофе с бренди. Через час с четвертью они догнали Клауса и Хови Деттериков, отчаянно мечущихся по

опушке леса. Вскоре отряд двинулся дальше, впереди бежали собаки Боба. Макджи позволил Клаусу и Хови идти с ними: они бы не вернулись обратно, если бы даже он приказал им. Несмотря на то, что они страшились результата, и Макджи, должно быть, это понял, он заставил их разрядить оружие. «Другие сделали то же самое, – объяснил Макджи, – так безопаснее». Но он не сказал ни им, ни кому-нибудь еще, что только Деттериков попросили сдать патроны помощнику шерифа. Сбитые с толку и жаждущие лишь одного – чтобы этот кошмар закончился, они сделали то, что он просил. Когда Роб Макджи заставил Деттериков разрядить винтовки и отдать ему патроны, он, возможно, сохранил Джону Коффи те жалкие остатки жизни.

Лающие, твякающие собаки тащили их две мили по зарослям мелкого сосняка все в том же направлении, примерно к северо-западу. Потом они вышли на берег реки Трапингус, которая в этом месте широкая и медленная и течет на юго-восток среди низких лесистых холмов, где семьи Крей, Робинетт и Дюплиси все еще делают мандолины и часто выплевывают свои гнилые зубы во время пашни. Это дремучая провинция, где мужчины способны поймать змею в воскресенье утром, а в воскресенье вечером предаваться плотским утехам со своими дочерьми. Я знал эти семьи. Многие из них время от времени посылали пищу для Спарки. На том берегу реки члены отряда увидели, как июньское солнце отражается от стальных рельсов Большой южной магистрали. Справа, примерно в миле ниже по течению, виднелась арка моста и дорога уходила в сторону угольного бассейна Вест Грин.

Здесь они нашли широкую вытоптанную поляну, окруженную низкими кустами. Там было столько крови, что многие мужчины побежали в лес и выдали назад свои завтраки. На этой же кровавой поляне они обнаружили остатки ночной рубашки Кору, и Хови, заметно прибодрившись к тому времени, прижался к отцу и чуть было не лишился чувств.

Именно на этом месте у собак Боба Марчанта возник первый и единственный за день разлад. Их было шесть: два благдаунда, две голубые гончие и пара похожих на терьеров помесей, которых приграничные южане называют «хитрыми гончими». «Хитрые» хотели пойти на северо-запад, вверх по течению вдоль Трапингуса, остальные – в противоположную сторону, на юго-восток. Они запутались в поводках, и хотя в газетах ничего об этом не говорилось, я могу себе представить, какие ужасные команды

выкрикивал им Боб, когда руками – наиболее «образованной» своей частью – распутывал их. В свое время я был знаком с несколькими любителями гончих и знаю, что эти собаки, как школьный класс, похожи друг на друга.

Боб собрал их на коротких поводках в ряд, потом провел перед мордами разорванной рубашкой Кору Деттерик, словно напомнив, для чего они гуляют в лесу при температуре около сорока к полудню, когда перед глазами начинают мелькать чертики. «Хитрые», понюхав еще раз, решили проголосовать, как все, и с лаем рванулись вниз по течению.

Не прошло и десяти минут, как мужчины останови-лись, понимая, что слышат уже не только лай собак. Они слышали скорее вой, а не лай, причем такого звука собака не способна издавать даже перед лицом смерти. Звук не походил ни на что слышанное ими раньше, но все вдруг поняли, что это человек. Так они сами сказали, и я им верю. Я думаю, что тоже сразу бы понял. Я слышал, как люди кричат именно так по пути на электрический стул. Не многие, большинство замыкается и либо молчит, либо шутит, как на школьном пикнике, но некоторые кричат. Обычно это те, кто верит в существование ада и знает, что он их ждет в конце Зеленой Мили.

Боб снова взял собак на поводок. Они стоили немало, и он никак не хотел потерять их из-за какого-то психопата, воющего и бормочущего где-то рядом. Остальные зарядили ружья и щелкнули затворами. Этот вой остудил их и заставил вспотеть, да так, что капли пота, бежавшие по спине, казались ледяными. Когда мужчин берет такой озноб, им нужен лидер, чтобы идти вперед, и помощник Макджи повел их. Он вышел вперед и бодро направился (хотя я не думаю, что в тот момент он ощущал бодрость) к зарослям ольхи возле леса справа, остальные нервно семенили, отстав шагов на пять. Он остановился всего раз и то для того, чтобы показать самому крупному среди них – Сэму Холлису, чтобы тот шел рядом с Клаусом Деттериком.

С той стороны зарослей ольхи открывалась поляна, уходящая справа в лес. Слева шел длинный пологий откос к берегу реки. Вдруг все разом остановились, словно остолбенев. Я думаю, они бы дорого отдали, чтобы навсегда стереть из памяти, никогда не видеть того, что открылось перед ними, но никто из них этого не сможет забыть никогда, словно кошмарный сон, грубый и дымящийся под солнцем кошмар, прячущийся за приятной и привычной нормальной жизнью – с церковными причастиями, прогулками

по полям и лугам, честной работой, любовными объятиями в постели. У каждого мужчины есть хребет, стержень, уверяю вас, он есть в жизни каждого. В тот день они увидели, эти парни, обратную сторону жизни, они увидели, что иногда скрывается за ее улыбкой.

На берегу реки в линялой окровавленной рубахе сидел самый крупный человек из всех, когда-либо виденных ими – Джон Коффи. Он был бос и его ноги с косолапыми ступнями казались огромными. Голова повязана выцветшим красным платком так, как обычно сельские женщины покрывают голову в церкви. Комары окружили его черным облаком. На руках лежали голенькие девочки. Их белокурые волосы, еще недавно вьющиеся и светлые, как пух молочая, теперь слиплись и порыжели от крови. Человек, держащий их, сидел и выл на небо, как «помешанный теленок», по его коричневым щекам бежали слезы, лицо исказилось чудовищной гримасой горя. Дышал он неровно, грудь поднималась, пока не натягивалась застежка на рубахе, потом вместе с воздухом вырывался этот ужасный вой. В газетах часто пишут: «Убийца не проявил раскаяния», но здесь был не тот случай. Сердце Джона Коффи было растерзано тем, что он натворил... но сам он будет жить. А девочки нет. Их растерзали более основательно.

Никто не знает, сколько они так простояли, глядя на воющего человека, который смотрел на другой берег, за серую гладкую полосу реки, где к мосту мчался поезд. Казалось, они глядят на него час или вечность, а поезд застыл на месте, казалось, что крик стоит лишь в одном месте, как детский взрыв гнева, и солнце не ушло за облако, и не потемнело в глазах. Но перед ними все было настоящим. Чернокожий раскачивался вперед-назад, и Кора и Кейт качались вместе с ним, словно куклы на руках у великана. Окровавленные мускулы его огромных голых рук сжимались и разжимались, сжимались и разжимались.

Клаус Деттерик прервал эту немую сцену. Он бросился с криком на монстра, который растерзал и убил его дочерей. Сэм Холлис знал свое дело и пытался удержать его, но не смог. Он был на пятнадцать сантиметров выше Клауса и тяжелее килограммов на тридцать, но Клаус сбросил его руки. Он пролетел через поляну и в полете ударил ногой в голову Коффи. Его сапог, испачканный уже свернувшимся на жаре молоком, угодил точно в левый висок Коффи, но тот словно и не заметил удара. Он все так же сидел, причитая и раскачиваясь, глядя за реку; похожий на лесного

проповедника-пятидесятника, верного последователя Креста, глядящего на Землю Обетованную... вот только если бы не трупы...

Чтобы оттащить бывшего в истерике фермера от Джона Коффи, понадобились четыре человека, и пока они схватили его, он успел нанести Коффи я не знаю сколько довольно сильных ударов. Но Коффи было все равно: он по-прежнему глядел за реку и причитал. Что касается Деттерика, то как только его оттащили, вся сила ушла из него, словно по громадному негру шел какой-то странный гальванизирующий ток (я все время нахожу какие-то электрические метафоры, вы уж простите), и, когда контакт Деттерика с этим источником питания был наконец разомкнут, он обмяк, как человек после удара током. Он упал на колени прямо на берегу реки, закрыл лицо руками и зарыдал. Хови присоединился к нему, и они обнялись, прильнув друг к другу.

Двое мужчин остались рядом с ними, остальные образовали кольцо из ружейных стволов вокруг качающе-гося и стонущего чернокожего. Он, казалось, не замечал никого. Макджи вышел вперед, постоял, неуверенно, переминаясь с ноги на ногу, потом присел на корточки.

– Мистер, – сказал он тихим голосом, и Коффи сразу затих. Макджи посмотрел ему в глаза, красные от слез. Слезы все еще текли по щекам негра, как будто кто-то оставил внутри открытый кран. Глаза плакали, но взгляд оставался отрешенным... далеким и спокойным. Я подумал, что это самые странные глаза, которые я видел в жизни, и Макджи почувствовал то же самое. «Его глаза напоминали глаза зверя, который никогда раньше не видел людей», – сказал он репортеру по имени Хаммерсмит перед началом суда.

– Мистер, вы меня слышите? – спросил Макджи.

Медленно-медленно Коффи кивнул. Он все еще держал на руках своих неопикуемых кукол, их подбородки упали на грудь, так что лица было трудно разглядеть, – одна из немногих милостей Божьих, дарованных им в тот день.

– У вас есть имя? – обратился к нему Макджи.

– Джон Коффи, – сказал негр густым голосом, срывающимся от слез. – Коффи – как напиток, только пишется иначе.

Макджи кивнул, потом большим пальцем указал на оттопыривающийся нагрудный карман рубахи. Ему показалось, что там может быть пистолет, хотя совсем не обязательно человеку таких размеров, как Коффи, иметь пистолет, чтобы причинить серьезный урон, если он решит сбежать.

– Что там у тебя, Джон Коффи? Может, пушка? Пистолет?

– Нет, сэр, – ответил Коффи своим густым голо-сом, и его странные глаза – источающие слезы и страдающие снаружи, но далекие и равнодушные внутри, словно настоящий Джон Коффи был где-то в другом месте и смотрел на иной пейзаж, где убитые девочки совсем не повод для расстройства, – эти глаза неотрывно смотрели в глаза помощника Макджи. – Здесь просто мой завтрак.

– Завтрак, говоришь, да? – повторил Макджи, и Коффи, кивнув, подтвердил: «Да, сэр», а слезы все бежали из его глаз, и капли висели на кончике носа.

– А где такие, как ты, берут завтрак, Джон Коффи? – Макджи старался держаться спокойно, хотя чувствовал уже исходящий от девочек запах и видел мух, садящихся на влажные места на телах. Хуже всего были их волосы – он сказал об этом позднее... но это не попало в газеты, такую подробность сочли слишком тяжелой для семейного чтения. Я узнал о ней от автора статьи, мистера Хаммерсмита. Я нашел его, когда Джон Коффи стал для меня как бы навязчивой идеей. Макджи рассказал Хаммерсмиту, что белокурые волосы девочек уже не были светлыми. Они стали каштановыми. Кровь бежала с волос по щекам, словно волосы плохо покрашены, и не надо быть врачом, чтобы понять, что их хрупкие черепа раздавлены силой этих могучих рук. Возможно, девочки плакали. Возможно, он хотел, чтобы они перестали. Если девочкам повезло, это случилось перед изнасилованием.

При виде такого очень трудно думать, даже столь решительному в своих поступках человеку, как помощник Макджи. Размышления могут привести к ошибкам или даже к еще большему кровопролитию. Макджи глубоко вздохнул и попытался взять себя в руки.

– Я точно не помню, сэр, гад буду, если вру, – ответил Коффи сдавленным от слез голосом, – это правда завтрак, там бутерброды и, по-моему,

маринованный огурчик.

– Я сейчас сам посмотрю, тебе ведь все равно, – сказал Макджи. – Теперь, Джон Коффи, не двигайся. Не делай этого, парень, у нас достаточно оружия, нацеленного на тебя, чтобы исчезла твоя верхняя половина, если хоть пальцем шевельнешь.

Коффи смотрел за реку и не шелохнулся, пока Макджи аккуратно залез в нагрудный карман его рубахи и вытащил нечто, завернутое в газету и перевязанное веревочкой. Макджи разорвал бечевку и развернул газету, хотя был уверен, что там, как и сказал Коффи, находится завтрак. Там оказались бутерброд с беконом и помидорами и рулет с джемом. Еще был огурчик, завернутый в отдельную бумажку, которую Джон Коффи никогда бы не развернул. Там не хватало колбасы. Колбаса из завтрака Джона Коффи досталась Баузеру.

Макджи, не отрывая взгляда от Джона Коффи, передал завтрак через плечо своим людям. Сидя на корточках так близко, он не мог отвлечься ни на секунду. Завтрак был снова завернут, перевязан и в конце концов оказался у Боба Марчента, который положил его в рюкзак, где лежал корм для собак (и я не удивлюсь, если еще и рыболовная наживка). Его не предъявили на суде в качестве улики – правосудие в этой части света скорое, но не настолько, чтобы сохранился бутерброд с беконом и помидорами, хотя фотографии его остались.

– Что здесь произошло, Джон Коффи? – произнес Макджи низким серьезным голосом. – Ты не хочешь об этом мне рассказать?

И Коффи ответил Макджи и всем остальным почти в точности так же, как и мне; это к тому же были последние слова, которые обвинитель сказал присяжным во время суда над Коффи,

– Я не смог ничего поделать, – произнес Джон Коф-фи, держа на руках обнаженные тела убитых, истерзан-ных девочек. Слезы снова потекли по его щекам. – Я пытался вернуть все назад, но было уже поздно.

– Парень, ты арестован по подозрению в убийстве, – заявил Макджи и плюнул Джону Коффи в лицо.

Присяжные удалились на сорок пять минут. Как раз хватило бы, чтобы

съесть завтраки. Интересно только, полез бы им кусок в горло.

5.

Вы, конечно, понимаете, что я не мог всего этого узнать за один жаркий октябрьский вечер, проведенный в почти вымершей тюремной библиотеке, из единственного комплекта газет, засунутого в корзину из-под апельсинов, но того, что узнал, хватило, чтобы не заснуть в ту ночь. Когда моя жена проснулась в два часа ночи и увидела, что я сижу на кухне, пью пахту и курю самокрутки, она спросила, в чем дело, и я солгал ей в один из немногих раз за долгое время нашего брака. Я ответил, что у меня произошла еще одна стычка с Перси Уэтмором. Это было так, но я не потому не мог уснуть. Все, что касалось Перси, я обычно оставлял в кабинете.

– Да забудь ты этого гнилого червя, возвращайся в постель, – сказала она. – У меня есть кое-что, что поможет тебе заснуть, сколько хочешь.

– Это здорово, но я, пожалуй откажусь. У меня что-то слегка не в порядке с мочевой системой, и я боюсь передать это тебе.

Она подняла бровь.

– Ага, мочевая система, – съязвила она. – По-моему, ты просто взял не ту девку с панели прошлый раз, когда был в Батон Руже.

Я никогда не был в Батон Руже и никогда не связывался с уличными девочками, и мы оба это знали.

– Просто старая инфекция, – объяснил я. – Моя матушка говорила, что мальчики подхватывают ее, когда писают при северном ветре.

– Да, твоя матушка не выходила из дома весь день, если вдруг рассыпала соль. Доктор Сэдлер...

– Нет, сэр, – сказал я, подняв руку. – Он хочет, чтобы я принимал серу, и к концу недели меня стошнит во всех углах кабинета. Со временем это пройдет, но сейчас, я думаю, наши игры придется отложить.

Она поцеловала меня в лоб прямо над левой бровью, что всегда вызывало мурашки по коже... и Дженис хорошо это знала.

– Бедный ребенок. Как будто мало этого ужасного Перси Уэтмора. Ложись скорее спать.

Я так и сделал, но прежде вышел на заднее крыльцо облегчиться (предварительно проверив направление ветра мокрым большим пальцем; то, чему учат родители в детстве, остается надолго, как бы глупо это ни было). Мочиться на улице – одно из удовольствий сельской жизни, о котором никогда не говорят поэты. Но этой ночью удовольствия я не испытывал: вытекающая жидкость горела, словно нефть. Но я подумал, что вечером было хуже, и уж точно – два-три дня назад гораздо хуже. Так что появилась надежда, что все пошло на поправку. Никогда у меня не было надежды более тщетной. Никто не мог сказать мне, что микроб, забравшийся внутрь меня, где тепло и сыро, может взять пару дней отдыха, прежде чем опять войти в силу. Я бы очень удивился. А еще больше удивился, если бы узнал, что через каких-то пятнадцать-двадцать лет изобретут таблетки, в рекордное время избавляющие от такой инфекции... а если при этом и произойдет расстройство желудка или кишечника, тебя никогда не стошнит так, как от серных пилюль доктора Сэдлера. Но тогда, в 1932-м, можно было только ждать и пытаться не обращать внимание на то, будто кто-то налил внутрь мочевой системы нефть и поднес к ней спичку.

Я облегчился, зашел в спальню и в конце концов заснул. Мне снились девочки с застенчивыми улыбками и кровью на волосах.

6.

На следующее утро я нашел на своем столе розовый клочок бумаги с просьбой при первой возможности зайти в кабинет начальника тюрьмы. Я знал, по какому поводу: в этой игре были неписанные, но обязательные правила, а я вчера ненадолго перестал играть по ним – поэтому я решил потянуть с визитом к начальству как можно дольше. Наверное, как и с визитом к врачу со своими мочевыми проблемами. Я всегда думал, что делам типа «разделаться раз и навсегда» придают слишком много значения.

Во всяком случае я не спешил в кабинет Уордена Мурса. Вместо этого я снял свои шерстяной китель, повлил его на спинку стула включил вентилятор в углу – день выдался опять жарким. Потом сел и пробежал глазами ночной отчет Брута Ховелла. Тревожиться было не о чем. Делакура немного плакал после возвращения – он почти всегда по ночам плакал больше о себе, чем о тех, кого сжег живьем, я почти уверен, – а потом достал Мистера Джинглза, мышь, из коробки из-под сигар. Это успокоило Дэла и до утра он спал как младенец. Мистер Джинглз почти всю ночь провел на животе Делакура, обвив хвост вокруг задних лапок и не мигая глазками-бусинками. Словно Господь решил, что Делакура нужен ангел-хранитель, но распорядился, что только мышь сойдет в этом качестве для такой крысы, как наш «убийственный» дружок из Луизианы. Конечно, всего этого не было в рапорте Брута, но я провел достаточно много ночных наблюдений, чтобы уметь читать между строк. О Коффи упоминалось лишь однажды: «Не спал, лежал тихо, иногда плакал. Я попытался начать разговор, но после нескольких ворчливых реплик в ответ оставил его в покое. Может, Полю или Харри повезет больше».

«Начать разговор» – главное в нашей работе, в самом деле. Тогда я этого не знал, но, оглядываясь назад с высоты странного пожилого возраста (я думаю, этот возраст кажется странным тем, кому предстоит его пережить), я все понял, как и то, почему не понимал вначале, – эта задача слишком

сложна и столь же важна, как дыхание для поддержания жизни. Для временных было совсем не важно «начать разговор», но для меня, Харри, Брута и Дина это жизненно важно, и именно по этой причине Перси Уэтмор был кошмаром. Заключенные ненавидели его, охранники ненавидели его... все ненавидели его, думаю, самого Перси, а не его политические связи, а возможно (но только возможно), и его мать. Он напоминал порцию мышьяка, впрыснутую в свадебный пирог, и мне кажется, я знал с самого начала о грядущей катастрофе. Сам Перси был словно запланированный несчастный случай. Что касается остальных, то мы подняли бы на смех того, кто сказал бы, что мы приносили больше пользы не как охранники заключенных, а как их психиатры, половина меня и сейчас еще смеется над подобной мыслью, но мы знали насчет начала разговора... без этого разговора люди, коим предстояло повидать Олд Спарки, имели ужасную привычку сходить с ума.

Я отметил внизу рапорта Брута – поговорить с Джоном Коффи, попытаться по крайней мере, потом перешел к сообщению Кэртиса Андерсона, главного помощника начальника тюрьмы. В нем говорилось, что он, Андерсон, вскоре ожидает приказа ДК для Эдварда Делакруса (Андерсон ошибся: имя его на самом деле было Эдуар Делакруа). ДК означает день казни, и согласно сообщению, Кэртису сказали почти точно, что маленький французик пройдет свой путь незадолго до Хэлловина – он считал, что 27 октября, а предположения Кэртиса были всегда обоснованны. Но еще до того нам следует ожидать нового постояльца по имени Вильям Уортон. «Он из тех, что ты называешь „проблемный ребенок“, – писал Кэртис своим почти каллиграфическим почерком с обратным наклоном. – Дикий и сумасбродный, и этим гордится. Последний год бродил по всему штату и наконец допрыгался. Убил при ограблении сразу троих, среди них беременную женщину, четвертого убил, когда убегал. Патрульного штата. Ему не хватало только монашки и слепого». – Я слегка улыбнулся этим словам. – «Уортону девятнадцать лет, на левом предплечье татуировка: „Крошка Билли“. Вам придется дать ему по носу раз или два, это я гарантирую, но будьте осторожней. Этому человеку терять нечего. – Он дважды подчеркнул последнее предложение, потом закончил: – А еще он скорее всего лодырь. Пишет жалобы, и, кроме всего прочего, он – несовершеннолетний».

Безумный ребенок, пишущий жалобы, способный к безделью. Просто здорово. На минуту день, мне показалось, стал еще жарче, и я решил не

откладывать больше визита к Уордену Мурсу.

За время моей работы охранником в Холодной Горе сменилось три начальника тюрьмы. Хэл Мурс был последним и самым лучшим из начальников такого рода. Честный, прямой, лишенный в отличие от Кэртиса Андерсона даже элементарной сообразительности, он обладал особой политической гибкостью, помогающей сохранить свой пост в те мрачные годы... и в то же время оставался неподкупным, и не поддавался искушениям этой игры. Повышение ему не светило, но, похоже, его устраивала и нынешняя должность. В те дни ему было пятьдесят восемь или пятьдесят девять, его лицо с глубокими складками напоминало морду бладгаунда. Бобу Марчанту оно бы понравилось. Хотя волосы его поседели, а руки слегка дрожали, он был еще очень силен. За год до этого в прогулочном дворике на него набросился заключенный с рукояткой, выстроганной из перекладки деревянной решетки. Муре перехватил кисть негодяя и скрутил ее так, что кости захрустели, словно сухие ветки в костре. Нападавший, забыв о своих обидах, упал на колени прямо на землю и стал звать маму. «Я тебе не мама, – сказал Муре своим интеллигентным „южным“ голосом, – но на ее месте, я поднял бы юбку и помочился на тебя из чрева, давшего тебе жизнь».

Когда я зашел в его кабинет, он начал подниматься, и я помахал ему рукой, чтобы не вставал. Я сел за стол напротив и начал с вопроса о его жене... но совсем не так, как принято у вас. Я спросил: «Ну как там твоя красотка?» Словно Мелинде всего лет семнадцать, а не шестьдесят два или три. Мой интерес был искренним: такую женщину я бы и сам мог полюбить и жениться на ней, если бы наши жизненные пути пересеклись, но еще мне хотелось хоть немного отвлечь его от основных дел.

Он глубоко вздохнул.

– Не очень, Пол. Даже совсем не хорошо.

– Опять головные боли?

– На этой неделе всего раз, но было очень плохо, позавчера она пролежала пластом почти весь день. А теперь еще эта слабость в правой руке... – Он поднял свою, всю в веснушках, правую руку. Мы оба видели, как она дрожит над бумагой, потом опустил ее опять. Я уверен, что он все отдал бы

за то, чтобы не говорить этого, а я – все за то, чтобы не слышать. Головные боли у Мелинды начались весной, и все лето врач уверял ее, что это «мигрени на нервной почве», вызванные стрессом из-за ожидаемого ухода Хэла на пенсию. Но на самом деле никто из них не «ожидал» ухода на пенсию, а моя собственная жена сказала, что мигрень – болезнь не пожилых, а молодых, и к тому времени, когда страдающие мигренью достигают возраста Мелинды, им становится не хуже, а лучше. А эта слабость в руке? По-моему, это совсем не похоже на нервный стресс, это похоже на проклятый инсульт.

– Доктор Хавестром хочет, чтобы она легла в боль-ницу в Индианоле, – сказал Муре. – Сделала анализы. Рентген головы и Бог знает, что еще. Она боится до смерти. – Он помолчал, а потом добавил: – По правде говоря, я и сам ужасно боюсь.

– Да, но вот увидишь, она справится, – успокоил я. – Лучше не откладывать. Если вдруг они что-то увидят на рентгене, то может оказаться, что это излечимо.

– Да, – согласился он, и тут всего один раз за эти минуты разговора, насколько я помню, наши взгляды встретились. И мы все поняли без слов, со всей беспощадностью. Да, скорее всего инсульт. А может быть, рак – опухоль мозга, и если это так, то шансы на то, что врачи в Индианоле смогут что-то сделать, практически равны нулю. Это ведь был тридцать второй год, не забывайте, когда лекарством даже от такой более-менее простой «мочевой» инфекции были либо сера и вонь, либо страдание и ожидание.

– Спасибо за сочувствие, Пол. А теперь давай поговорим о Перси Уэтморе. Я застонал и закрыл глаза.

– Сегодня утром мне позвонили из столицы штата, – прямо сказал начальник тюрьмы. – Звонок был очень сердитый, можешь себе представить. Пол, губернатор так сильно женат, что его здесь почти нет, ты меня понимаешь. А у его жены есть брат, у которого единственный ребенок. И этот ребенок – Перси Уэтмор. Перси вчера звонил папаше, а папаша Перси позвонил тетушке. Нужно проследивать цепочку дальше?

Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:

[Перейти](#)